

Две «Шуточки» Чехова

А.И. Горшков

В журнале «Сверчок» (N 10 за 1886 г.) А. П. Чехов опубликовал рассказ «Шуточка». Позже он включил его в собрание своих сочинений (1899 - 1902), значительно переделав. Конечно, была произведена серьезная стилистическая правка. Кроме того, как отмечают комментаторы, для собрания сочинений Чехов значительно сократил журнальный текст, снял обращения к читателю, изменил конец.

Последнее особенно важно. Чехов продлил сюжетное время рассказа. Если в тексте «Сверчка» оно начинается катанием рассказчика и Наденьки с ледяной горы на санках и заканчивается (когда гора растаяла) бодрым заявлением: «Но тут позвольте мне жениться», то в окончательной редакции, начинающейся точно так же, сказано, что «это было уже давно», и рассказчик заканчивает свое повествование словами: «А мне теперь, когда я стал старше, уже непонятно, зачем я говорил те слова, для чего шутил...».

По существу, вариант, созданный для собрания сочинений, - это другой рассказ (что и позволяет говорить о двух «Шуточках»). И в том и в другом рассказе осталась одна и та же событийная линия. Спутник девушки, когда они мчатся с горы под свист ветра и скрежет санок, вполголоса говорит: «Я люблю вас, Наденька», говорит намеренно так, что Наденька, испуганная стремительным спуском, не может понять: действительно сказаны эти слова или они ей только почудились в шуме ветра. И эта загадка не дает ей покоя. И все же рассказ в собрании сочинений воспринимается совершенно по-другому, чем в журнале «Сверчок», потому что внешне малозаметно, но по существу радикально изменен образ рассказчика.

«Это было давно» и «я стал старше» позволяют отнести «вторую» «Шуточку» к композиционному типу «рассказов о детстве (юности)», в которых действует юноша, а повествует о том, что было, он же, но уже ставший взрослым человеком. Однако ряд деталей говорит о том, что чеховские рассказчики из «Сверчка» и из собрания сочинений - разные. Первый - не лишен провинциального тщеславия, считает нужным комментировать события своими суждениями. К Наденьке относится с чувством мужского превосходства. Второй - предельно скромн, деликатен, свое «я» не подчеркивает. Это тот тип рассказчика, образ которого приближен к образу автора.

При переделке рассказа Чехов изменил около двух третей его текста. Разбор всех различий сделал бы наш анализ слишком громоздким. Поэтому ограничимся сопоставлением нескольких фрагментов.

Текст «Сверчка»:

Ясный, зимний полдень... Мороз так крепок и трескуч, что у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудряшки на висках и едва заметный пушок над верхней губой. .. Я и Наденька стоим на высокой горе. От наших ног вниз до самой земли тянется покатаая ледяная [так у Чехова] плоскость, в которую кокетка-солнце глядится, как в зеркало. Возле нас стоят маленькие санки, обитые ярко-красным сукном.

- Съедемте вниз, Надежда Петровна! - умоляю я Наденьку. - Один только раз! Уверю вас, что мы останемся целы и невредимы.

Но Наденька малодушна. Все пространство, идущее от ее маленьких калош с мерлушковой опушкой до подошвы ледяной горы, кажется ей страшной, неизмеримо глубокой пропастью. У Наденьки замирает дух и прерывается дыхание уже от одного того, что она глядит вниз, если же она рискнет полететь в пропасть на такой утлой ладье, как хрупкие санки, то она, кажется, умрет или по меньшей мере сойдет с ума. Но, милостивые государи, женщины способны на жертвы. В этом я готов поклясться тысячу раз, хотя бы даже на суде или перед автором новой книги «О женщинах». Наденька в конце концов с опасностью для жизни ус-

тупает моим мольбам. Бледную, дрожащую, я сажаю ее в санки, плотно обхватываю рукой ее талию и вместе с нею низвергаюсь в бездну.

Санки летят как пуля, сломя голову... Рассекаемый воздух бьет в лицо, ревет и свистит в ушах, остервенело хватает за фалды и словно старается сорвать с плеч голову. От напора ветра нет сил дышать... Кажется, что черт обхватил нас обоих своими лапами и с ревом тащит в ад... Окружающие предметы сливаются в одну длинную, стремительно бегущую полосу... Вот-вот сковырнемся!

- Я люблю вас, Надя! - говорю я вполголоса, когда рев ветра и жужжанье полозьев достигают своего forte.

Текст собрания сочинений:

Ясный, зимний полдень... Мороз крепок, трещит, и у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудри на висках и пушок над верхней губой. Мы стоим на высокой горе. От наших ног до самой земли тянется покатая плоскость, в которую солнце глядится, как в зеркало. Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном.

- Съедемте вниз, Надежда Петровна! - умоляю я. - Один только раз! Уверю вас, мы останемся целы и невредимы.

Но Наденька боится. Все пространство от ее маленьких калош до конца ледяной горы кажется ей страшной, неизмеримо глубокой пропастью. У нее замирает дух и прерывается дыхание, когда она глядит вниз, когда я только предлагаю сесть в санки, но что же будет, если она рискнет полететь в пропасть! Она умрет, сойдет с ума.

- Умоляю вас! - говорю я. - Не надо бояться! Поймите же, это малодушие, трусость!

Наденька наконец уступает, и я по лицу вижу, что она уступает с опасностью для жизни. Я сажаю ее, бледную, дрожащую, в санки, обхватываю рукой и вместе с нею низвергаюсь в бездну.

Санки летят как пуля. Рассекаемый воздух бьет в лицо, ревет, свистит в ушах, рвет, больно щиплет от злости, хочет сорвать с плеч голову. От напора ветра нет сил дышать. Кажется, сам дьявол обхватил нас лапами и с ревом тащит в ад. Окружающие предметы сливаются в одну длинную, стремительно бегущую полосу... Вот-вот еще мгновение, и кажется - мы погибнем!

- Я люблю вас, Надя! - говорю я вполголоса.

Прежде всего можно заметить удаление лишних, не несущих значимой информации слов: «едва заметный пушок»; «вниз до самой земли тянется покатая ледяная плоскость, в которую кокетка-солнце глядится, как в зеркало»; «возле нас *стоят* маленькие санки»; «все пространство, идущее от ее маленьких калош с мерлушковой опушкой до подошвы ледяной горы»; «на такой уютной ладье, как хрупкие санки»; «уступает моим мольбам»; «плотно обхватываю рукой ее талию»; «санки летят как пуля, сломя голову»; «нас *обоих* своими лапами» (курсив наш. - А. Г.). Убрана и последняя часть предложения «говорю я вполголоса, когда рев ветра и жужжанье полозьев достигают своего forte», потому что уже предшествующие словам «Я люблю вас, Надя!» фразы свидетельствуют о напряженной кульминации стремительного спуска с горы. «Кокетка-солнце» соответствовала образу рассказчика «сверчковского» рассказа, но совершенно не подходит образу сдержанного рассказчика «второй» «Шуточки».

Показательны лексико-фразеологические замены: *кудряшки* - *кудри* (делает описание внешности Нади более серьезным), *Наденька малодушна* - *Наденька боится* (проще и точнее, тем более что несколько далее употребляется «малодушие»), но уже в реплике рассказчика, до *подошвы ледяной горы* - *до конца ледяной горы* («подошва» подошла бы к настоящей, естественной горе), *в конце концов* - *наконец* (первое больше подходит к спорам, второе - к уговорам), *остервенело хватает за фалды* - *ревет, больно щиплет от злости* («фалды» как-то не подходят к ситуации), *черт* - *сам дьявол* (более литературно и сообразно описываемому моменту), *Вот-вот сковырнемся* - *Вот-вот еще мгновение, и кажется* - *мы погибнем* (просторечное «сковырнемся» даже для рассказчика первого рассказа слишком грубо, а

реплика рассказчика второго рассказа вполне соответствует литературному, условно-романтическому описанию эпизода).

Уточняется, упрощается, освобождается от ненужной «книжности» синтаксис; подчинительные союзы заменяются сочинительными, в некоторых случаях снимаются вовсе; упорядочивается строение пространных предложений; «Мороз *так* крепок, трескуч, *что* у Наденьки...» - «Мороз крепок, трещит, *и* у Наденьки...»; «Уверяю вас, *что* мы останемся целы и невредимы» - «Уверяю вас, мы останемся целы и невредимы»; «У Наденьки замирает дух и прерывается дыхание уже *от* одного *того*, *что* она глядит вниз, *если же* она рискнет полететь в пропасть на такой углой ладье, как хрупкие санки, *то* она, кажется, умрет *или* по меньшей мере сойдет с ума» - «У нее замирает дух и прерывается дыхание, *когда* она глядит вниз, *когда* я только предлагаю сесть в санки, *но* что же будет, *если* она рискнет полететь в пропасть! Она умрет, сойдет с ума».

Обращает на себя внимание такая замена: «*Я и Наденька* стоим на высокой горе» - «*Мы* стоим на высокой горе». Суть замены не в том, что ликвидируется почти незаметный повтор (и Надя, и рассказчик упомянуты в предыдущем предложении), а в том, что убирается выдвинутое на первое место в предложении «я» рассказчика.

Для «сверчковского» рассказа такое выдвижение могло быть и специальным, как явно специально для характеристики рассказчика сделана его тирада «Но, милостивые государи...». Однако с образом рассказчика в собрании сочинений ни «я» на первом месте, ни тем более тирада не сообразуются.

Особенно откровенно рассказчик в первом рассказе «переводит на себя» повествование, оттесняя на второй план Надю, в эпизоде, где девушка приглашает его обедать. Здесь он с удовольствием сообщает о своих вкусах и привычках и уведомляет читателя: «Наденька все время, как овечка, ходит около меня и томится...». Такое сравнение унижает девушку, но рассказчик этого не замечает и даже с гордостью заявляет: «А я... я Бисмарк! Я продолжаю разыгрывать родство не помнящего...».

Предшествующий приглашению на обед отрезок имеет в двух рассказах те же различия, о которых мы уже говорили, но... весь эпизод обеда в рассказе, подготовленном для собрания сочинений, просто выпущен.

Текст «Сверчка»:

Но, подведя ее к дому, я начинаю равнодушнейшим образом прощаться... Она медленно, нехотя, протягивает мне руку, как будто бы все еще ожидая; потом, подумав, отдергивает назад руку и говорит решительным голосом:

- Идите к нам обедать!

Я люблю в гостях обедать, а потому охотно принимаю ее приглашение... Обед прост, но восхитителен. Рюмка водки, горячий суп с макаронами, котлеты с картофельным пюре и сладкие слоеные пирожки, от которых ноет под ложечкой... Прибавьте к этому долгий, пылкий взгляд больших черных глаз, не перестававших во все время обеда сторожить мое лицо, и вы скажете, что меню великолепно... После обеда, оставшись со мною *tete-a-tete*, Наденька все время, как овечка, ходит около меня и томится... Она даже бледна от нетерпения, а я... я Бисмарк! Я продолжаю разыгрывать родство не помнящего... Ухожу я от нее, не намекнув о любви и даже не проронив ни одного слова, начинающегося с буквы «л».

На другой день утром я получаю записочку: «Если пойдете сегодня на каток, то заходите за мной. Н.»

Текст собрания сочинений:

Я провожаю ее с катка домой, она старается идти тише, замедляет шаги и все ждет, не скажу ли я ей тех слов. И я вижу, как страдает ее душа, как она делает усилия над собой, чтобы не сказать:

- Не может же быть, чтоб их говорил ветер! И я не хочу, чтобы это говорил ветер!

На другой день утром я получаю записочку: «Если пойдете сегодня на каток, то заходите за мной. Н.»

С этого момента в рассказе «Сверчка» активизируется рассказчик, в событиях он подчеркивает свою инициативу, его лексикон становится более развязным («Правда, лететь с горы по-прежнему страшно и ужасно, но до опасностей ли тут? Отнимите у Наденьки санки, и она спустится вниз на коленях... Были бы услышаны те слова, а до остального ей дела нет...», «От страха у нее ушла душа в пятки»). В рассказе же собрания сочинений, наоборот, рассказчик все больше внимания уделяет Наде, и меньше - себе. Образ рассказчика приближается к образу автора. Без этого невозможен был бы совсем иной, чем в «Сверчке», конец рассказа. А он говорит о том, что Чехов в итоге создал не вариант рассказа, а другой рассказ, с другим образом рассказчика, с другой судьбой героини.

Конец рассказа «Шуточка» в «Сверчке»:

Но вот наступает весенний месяц март... Солнце становится ласковее, а земля серее и угрюмее... Наша льдяная гора темнеет, теряет свой блеск и начинает киснуть... Мы уж перестаем кататься... Бедной Наденьке уж больше негде слышать тех слов. Кто когда-нибудь бросал курить или отвыкал от морфия, тот знает, какое это лишение...

Однажды в сумерки я сижу в садике, прилегающем к домику, в котором живет Наденька. Еще достаточно холодно, на земле снег, деревья мертвы, но уже пахнет весной... Я вижу, как Наденька выходит на крылечко и устремляет печальный, тоскующий взор на голые деревья... Весенний ветер бьет ей прямо в бледное, унылое лицо... Он напоминает ей тот ветер, с ревом которого она там, на льдяной горе слышала те четыре слова, и она делает грустное, плачущее лицо, как бы прося этот ветер принести ей те сладкие слова... Я воровски крадусь к кустам, прячусь за них и, дождавшись, когда через мою голову летит к Наденьке порыв ветра, говорю вполголоса:

- Я люблю вас, Надя!

Боже мой, что делается с Наденькой! Она вскрикивает, улыбается во все лицо и протягивает навстречу ветру руки... Этого мне только и нужно... Я выхожу из-за кустов и, не дав Наденьке опустить рук и разинуть рот от удивления, бегу к ней и...

Но тут позвольте мне жениться.

Конец рассказа «Шуточка» в собрании сочинений:

Но вот наступает весенний месяц март... Солнце становится ласковее. Наша льдяная гора темнеет, теряет свой блеск и тает наконец. Мы перестаем кататься. Бедной Наденьке больше уж негде слышать тех слов, да и некому произносить их, так как ветра не слышно, а я собираюсь в Петербург - надолго, должно быть, навсегда.

Как-то перед отъездом, дня за два, в сумерки сижу я в садике, а от двора, в котором живет Наденька, садик этот отделен высоким забором с гвоздями... Еще достаточно холодно, под навозом еще снег, деревья мертвы, но уже пахнет весной и, укладываясь на ночлег, шумно кричат грачи. Я подхожу к забору и долго смотрю в щель. Я вижу, как Наденька выходит на крылечко и устремляет печальный, тоскующий взор на небо... Весенний ветер дует ей прямо в бледное, унылое лицо... Он напоминает ей о том ветре, который ревел нам тогда на горе, когда она слышала те четыре слова, и лицо у нее становится грустным, грустным, по щеке ползет слеза... И бедная девочка протягивает обе руки, как бы прося этот ветер принести ей еще раз те слова. И я, дождавшись ветра, говорю вполголоса:

- Я люблю вас, Надя!

Боже мой, что делается с Наденькой! Она вскрикивает, улыбается во все лицо и протягивает навстречу ветру руки, радостная, счастливая, такая красивая.

А я иду укладываться...

Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужем; ее выдали, или она сама вышла - это все равно, за секретаря дворянской опеки, и теперь у нее уже трое детей. То, как мы вместе когда-то ходили на каток и как ветер доносил до нее слова «Я вас люблю, Наденька», не забыто; для нее теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни...

А мне теперь, когда я стал старше, уже непонятно, зачем я говорил те слова, для чего шутил...

Здесь мы видим ту же, что и во всем тексте, блестящую стилистическую правку мастера, которая не бросается в глаза, но в итоге меняет весь эмоционально-экспрессивный тон и смысловое наполнение рассказа. При этом на месте каждого замененного слова появляется слово семантически более точное, соразмерное с другими словами фразы и более сообразное картине того или иного эпизода: «гора... начинает киснуть» - «гора... тает наконец»; «на земле снег... но уже пахнет весной» - «под навозом еще снег... но уже пахнет весной и, укладываясь на ночлег, шумно кричат грачи» (добавляется деталь, оживляющая картину весны); «устремляет... взор на голые деревья» - «устремляет... взор на небо»; «весенний ветер бьет...» - «весенний ветер дует...»

Нескладная фраза «Он напоминает ей тот ветер, с ревом которого она там, на ледяной горе слышала те четыре слова, и она делает грустное, плачущее лицо, как бы прося этот ветер принести ей те сладкие слова...» выправляется синтаксически и уточняется лексически. Выбрасывается эпитет «те *сладкие* слова» (остаются только «те слова»), добавляется бесхитростный, но эмоционально сильный, естественный в такой ситуации жест: «И бедная девочка протягивает обе руки...».

Вместо «она *делает* грустное, плачущее лицо» появляется «лицо у нее *становится* грустным, грустным, по щеке ползет слеза...». Что значит в «сверчковском» тексте «она делает грустное, плачущее лицо»? Нарочно, специально делает, чтобы кто-нибудь увидел? Вряд ли рассказчик это имел в виду, но так получилось. Другое дело «лицо у нее становится грустным, грустным» - здесь ясна и произвольность мимики девушки, и сила переживания, подчеркнутая повторением слова «грустным». «Плачущее лицо» - банально, тем более, если его «делают», «По щеке ползет слеза» - опять-таки бесхитростно, но зримо, убедительно.

Принципиальные расхождения текстов, которые окончательно делают рассказы разными, начинаются после того как рассказчики говорят «те самые слова» и проявляется бурная реакция Наденьки:

«- Я люблю вас, Надя!

Боже мой, что делается с Наденькой! Она вскрикивает, улыбается во все лицо и протягивает навстречу ветру руки...»

Это в обоих рассказах одинаково. Но дальше - все совсем по-разному. В тексте «Сверчка» Надя даже не отходит на второй план, а просто перестает быть хоть сколько-нибудь активным действующим лицом. Господствует рассказчик: «Этого мне только и нужно...» - «Но тут позвольте мне жениться».

А в тексте собрания сочинений, наоборот, продолжается линия Нади: «... протягивает навстречу ветру руки, радостная, счастливая, такая красивая». Наденька счастлива тем, что разгадала, как ей кажется, загадку: кто говорил «те слова», Ветер! Пусть ветер, но загадка разгадана, и в этот момент девушка радостна, счастлива, красива!

В предпоследнем абзаце образ рассказчика почти сливается с образом автора. Повествование о судьбе Нади объективируется. Только авторское всеведение позволяет знать, что доносившиеся когда-то ветром слова «Я вас люблю, Наденька» не забыты, что «для нее теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни...».

Союз *а* («А мне теперь...»), начинающий заключительную фразу рассказа в собрании сочинений, - это «мостик» от Нади к рассказчику, который тоже не забыл каток, ледяную гору, милую девушку и «те слова». Вот только не понимает теперь, через много лет, зачем их говорил, зачем шутил.

В тексте собрания сочинений лирическая линия, в начале жизнерадостная, в конце грустная, непрерывно проходит через весь рассказ и особенно усиливается в конце. В тексте «Сверчка» линия прерывается предложениями рассказчика, описанием обеда, а в конце просто «убивается» банальной (чтобы не сказать «пошлой») репликой «Но тут позвольте мне жениться».

На примере даже самого краткого анализа двух «Шуточек» А. П. Чехова можно видеть, как много значит в повествовательном произведении «речевое порождение писателя», «форма литературного артистизма писателя» - образ рассказчика. Он может быть постоянен

в своей отграниченности от образа автора (рассказ в «Сверчке») и динамичен как в своей «автохарактеристике», так и в отношении дистанции от образа автора (рассказ в собрании сочинений). Иерархически высшее положение образа автора по отношению к образам рассказчиков и персонажей проявляется в подобных случаях с особенной очевидностью.

ЦГТБ имени А.П. Чехова